

Ежегодно на лечение в Барселону приезжает около 20.000 пациентов со всего мира. Журнал Top Russ решил познакомить своих читателей со всемирно известными центрами и мировыми авторитетами, которые превратили Барселону в один из самых престижных городов мира для получения медицинской помощи. На протяжении нескольких номеров нашим гидом по миру медицины Каталонии будет Ольга Соловьёва – Операционный Директор Barcelona Medical Agency – Единого Международного Департамента крупнейших госпиталей Барселоны, созданного самими госпиталями при институциональной поддержке специально для оказания помощи иностранным пациентам.

ЖОСЕП МАРИЯ РАМИРЕС ПОМОГАЯ НАЧАТЬ НОВУЮ ЖИЗНЬ

Ольга Соловьёва

Жосеп Мария Рамирес – фигура легендарная. Чем-то похожая на Рошалья в России – но только в Каталонии. Бессменный директор Гуттманна вот уже 25 лет, под руководством которого этот Институт превратился в экспертный центр нейрореабилитации, известный во всём мире. Человек, который взял на себя обязательства перед обществом и перед людьми с ограниченными возможностями. Неустойчивый борец. Харизматичный лидер. И «ШЕФ» – по крайней мере так его зовут в Гуттманне – с уважением, пиететом и небольшой долей страха. Потому что в гневе страшен.

Сегодня Ольга беседует с Директором всемирно известного центра нейрореабилитации Institut Guttmann – Доктором Жосепом Марией Рамиресом. Директор и управляющий Гуттманна с 1990 года, член десятка Комитетов и Комиссий, Генеральный Директор Социального и Медицинского Обслуживания Каталонии в 90-х годах, Доктор Рамирес является известнейшей личностью Каталонии. Во многом благодаря его дару университетский госпиталь Гуттманн превратился в один из ведущих центров нейрореабилитации в мире.

– Жосеп Мария, я часто показываю госпиталям Каталонии официальным делегациям из других стран, но обычно Гуттманн приберегаю для финала: очень сильное впечатление производит, и даже самые непробиваемые чиновники выйдут отсюда со слезами от эмоций. Совершенно особое место – по историям пациентов, по историям преодоления, которые здесь происходят. Расскажи¹, пожалуйста, вначале, как люди оказываются в Гуттманне. Какова статистическая вероятность превратиться в твоего пациента?

– В Гуттманн попадают люди с серьезнейшими повреждениями центральной нервной системы: как правило, с параличом нижней части тела или всех четырех конечностей. Очень много пациентов после дорожно-транспортных происшествий: еще десять лет назад вероятность была 2 человека на 100.000 жителей в год, много молодых людей. Сейчас, к счастью, благодаря принятию строжайших мер и штрафов, а также просто потому, что современные машины лучше защищают позвоночник, это число сократилось почти на 70 процентов. Но если говорить о повреждениях спинного мозга, то появилась новая тенденция: стало больше пожилых людей с

¹ Мне страшно повезло, Жосеп Мария – не только мой коллега, но и близкий друг. Так что общаюсь я с легендой на «ты».

остеопророзом, которые из-за случайного падения ломают позвоночник. Безусловно в будущем эта тенденция будет только увеличиваться. Отсюда – важность профилактики и лечения остеопороза.

– Примерно половина пациентов Гуттманна – это люди с повреждениями спинного мозга, а вторая половина – после приобретенных черепно-мозговых травм и инсультов, так?

– Да, и в случае черепно-мозговых травм опять же первое место занимают дорожно-транспортные происшествия на машине и особенно мотоцикле... И это ещё более серьёзно, поскольку здесь речь уже не просто об ограничении подвижности, а о когнитивных проблемах: поражаются речь, память, способность понимать, принимать решения... Одним словом ты уже не тот человек, которым был до происшествия. Опять же, число ДТП в последние годы снизилось, но зато к нам поступает много пациентов после инсультов – как ишемических, так и геморрагических.

– Жосеп Мария, я знаю, что вы специализируетесь на нейрореабилитации пациентов моложе 65 лет после инсультов. Расскажи поподробнее – почему? Для наших читателей тема точно интересна – Россия занимает первое место в мире по уровню смертности среди мужчин 35-74 лет от инсульта, и встречаются инсульты все чаще у лиц молодого возраста. Большая часть выживающих после инсульта становятся нетрудоспособными... Со всеми трагичными последствиями для человека и его семьи. И значимостью – медицинской, социальной и экономической – для общества...

– Да, Ольга, мы принимаем прежде всего молодых пациентов после инсультов – наша терапевтическая программа предельно интенсивная, и маловероятно, что человек после 65 сможет выдержать заданный ритм. Это предельно эффективная программа именно для молодых пациентов: после

66
Если наши специалисты в год лечат 4 с половиной тысячи пациентов с тяжелейшими неврологическими нарушениями, они в конце концов обучаются делать это очень хорошо.

66

Когда у пациента инвалидное кресло только под попой, но уже не в голове... тогда реабилитация закончилась!

аварий, с врождёнными патологиями, после инсультов, различных опухолей, оперативное лечение которых оставило осложнения, нейродегенеративными заболеваниями...

– При всех этих происшествиях в Каталонии алгоритм действий совершенно четко отлаженный: при ДТП или инсульте пациента стараются сразу направить в один из четырех госпиталей высоких медицинских технологий, где ему немедленно будет оказана наилучшая хирургическая и реанимационная помощь, возможная на сегодняшний день. А как только пациент стабилизирован, его немедленно отправят в Гуттманн, так? Для наиболее эффективного лечения имеет значение, чтобы пациент начал курс нейрореабилитации как можно раньше?

– Имеет кардинальное значение!!! Как только пациент стабилизирован, обязанность врачей первого госпиталя – немедленно отправлять пациента в специализированный центр нейрореабилитации – как Гуттманн. Важны два момента: хотя бы минимальный уровень сознания (для пациента в коме нейрореабилитация в полном смысле слова невозможна), и сердечно-легочная стабильность... Пациент естественно может находиться на искусственной вентиляции легких, но должен быть стабильным... Вот как только два этих условия имеются – нужно немедленно начинать нейрореабилитацию!

– Это связано с пластичностью мозга, так?

– Вот именно. Когда мы говорим о нейрореабилитации потерянной функциональности, нужно помнить, что мы говорим о процессе, который мозг начинает сам по себе! Наш мозг пластичен – т.е. во враждебных обстоятельствах (повреждение, стресс, какая-то трудность) – мозг старается адаптироваться к этим новым обстоятельствам. И наша задача – использовать эту способность и так «направить» мозг, чтобы его адаптация была направлена на восстановление функциональности! Чем скорее мы начнём этот процесс – тем лучше будет результат. Действительно значительного прогресса после травмы или инсульта можно добиться прежде всего в первые 3-4 месяца, дальше всё намного сложнее. Вот пациент к нам поступил после реанимации, и мы начинаем направлять мозг, чтобы он работал определённым образом...

Если ты этого не сделаешь, мозг сам начнет процесс адаптации, но часто при этом выберет самый простой и экономичный для него путь... Ну, например, не двигается у вас одна рука... Для мозга куда легче «забыть» об этой руке и научиться выполнять новые движения другой рукой... И вот когда мозг уже установил новые связи, новые структуры для выполнения действий... и забыл про одну руку – в дальнейшем будет куда сложнее мозгу заново «переучивать». Поэтому мы всегда настаиваем: экстренная хирургия, реанимация, а на 7-8 день после происшествия – пациент уже должен быть у нас.

– Как обычно реагирует человек на то, что с ним произошло? Когда он и его семья попадают в Гуттманн, что происходит?

– Вначале... когда человек понимает, что он потерял, он, конечно, проходит через период «траура». Здесь очень важна работа с ним психолога и всей остальной команды... А также всего окружения – поскольку в Гуттманне он будет постоянно окружён людьми в похожей ситуации, некоторые из которых являют собой настоящий пример для подражания. Ещё сложнее в этот первый период работать с семьёй... Нужно понимать: как правило, семья провела несколько дней рядом с реанимацией – их любимый человек находился между жизнью и смертью... Его спасли, и это огромная радость... Но дальше... Когда семья оказывается в Гуттманне – и люди знают, что мы достигли больших результатов – иногда им кажется, что теперь просто с их близким будет проводиться интенсивная работа, наденут на него роботизированный костюм и научат заново ходить... И вот здесь очень трудная часть нашей работы... Нужно очень чётко объяснить семье, какие перспективы видим мы в этой ситуации, каковы реалии – и зачастую они совсем не совпадают с ожиданиями семьи... Когда речь идёт о повреждении спинного мозга, после проведённого в первые дни анализа мы можем более или менее чётко обозначить реальные перспективы... Когда же речь идёт о головном мозге – то здесь сделать прогноз невозможно, все абсолютно индивидуально, и предсказать, что будет через 3 месяца очень сложно... Эта неопределённость тоже переносится тяжело.

Нам здесь опять помогает то, что семьи и пациенты много общаются между собой. Человек начинает внимательно наблю-

дать за людьми в ситуации, похожей на его: некоторые из них уже ходят, другие не ходят, одни научились говорить, другие после долгого времени все ещё говорят с трудом. Родственники начинают обмениваться впечатлениями и понимать, чего следует ждать и какая работа впереди... И вот как раз в этот момент происходит обострение «траура» – человек и его родные понимают, что он потерял, понимают, что восстановить все это будет очень непросто. Психолог всегда сопровождает как пациента, так и семью... А дальше – дальше начинается интенсивная работа в контролируемой обстановке...

– Гуттманн – экспертный центр нейрореабилитации для Каталонии, жители Каталонии проходят здесь лечение бесплатно – по системе государственного обеспечения, но сюда также приезжают пациенты со всего мира... приезжают, оплачивая своё лечение, люди из других областей Испании – хотя в Испании совершенно бесплатно они могут лечиться в отличных нейрореабилитационных центрах, приезжают – естественно оплачивая дорогой процесс реабилитации – пациенты из пяти континентов... Я разговаривала с некоторыми твоими пациентами, и просила их назвать те характеристики, которые делают Гуттманн экспертным центром... Меня потрясло, что все они называли в разном порядке одни и те же ТРИ характеристики... Я потом тебе их процитирую, хочу сначала, чтобы ты мне сам сказал: что делает Гуттманн особым центром, в котором добиваются таких высоких результатов?

– Ну, я тоже бы назвал три характеристики, не знаю, совпадут ли с моими пациентами...

Во-первых, это опыт выдающейся команды профессионалов – как врачей, так и медсестёр, физиотерапевтов, логопедов, всех... Всё здесь достаточно просто: поскольку мы являемся центром высочайшей специализации и принимаем огромное количество пациентов с определёнными патологиями, то создаётся эффект высочайшей концентрации случаев или огромной критической массы – концепция чрезвычайной важности для того, чтобы превратиться в экспертный центр. Если наши специалисты в год лечат 4 с половиной тысячи пациентов с тяжелейшими неврологическими нарушениями, они в конце концов обучаются делать это очень хо-

рошо. В медицине пациенту не нужно, чтобы его оперировал Лауреат Нобелевской премии по Медицине, а хирург, который используя самые передовые методики, оперирует по 10 пациентов в день. Гуттманн – это один из немногих центров в мире с такой высокой концентрацией пациентов с тяжелейшими неврологическими поражениями. И эта критическая масса – основа компетентности и опыта специалистов. Во-вторых, это **особая клиническая модель специализированной реабилитации**: персонализированная, интенсивная, интегральная, основанная на принципах доказательной медицины, с применением новейших технологий...

– Давай ты сейчас будешь расшифровывать каждое слово...

– Хорошо, Ольга... **персонализированная** нейрореабилитация... Когда пациент оказывается в Гуттманне – прежде всего за ним закрепляется его врач-реабилитолог (специализирующийся прежде всего на подобных повреждениях), его медсестра, его физиотерапевт, его психолог, его социальный работник, в случае поражений головного мозга – его логопед. Естественно, в работу с этим пациентом будут включаться десятки других специалистов, но это уже его команда... Которая всегда будет в курсе всех малейших изменений, которая каждое утро будет собираться и обсуждать динамику и задачи, и у которой установятся очень личные и доверительные отношения с пациентом. Вначале определяются конкретные нужды и устанавливаются реабилитационные задачи, для каждого пациента устанавливается индивидуальная программа, которой он будет следовать, как правило, в течение 3-4 месяцев, программа, которую можно будет постоянно корректировать в зависимости от результатов.

Всё будет адаптировано под нужды данного конкретного пациента: если он может двигать только зрачком – то для него будет предоставлен компьютер, на котором можно будет писать, направляя взглядом, если его нужно переобучить глотанию, то ему будет установлен нейрофидбэк. У нас здесь есть все медицинские специальности, никого не удивляет, если у тебя полимиелит с вывихом бедра и при этом тебя нужно посадить в гинекологическое кресло. Мы стараемся всё адаптировать для каждого пациента, предоставить ему максимальный комфорт... Все мелочи в госпитале продуманы для этого... Это

всё очень важно – люди в этой ситуации находятся в очень уязвимом положении и эта адаптация госпиталя под нужды конкретного пациента даёт ему ощущение уверенности...

– Я помню, что когда я впервые пришла в Гуттманн несколько лет назад – меня потрясла атмосфера интенсивной «работы», ритм... Расскажи, когда ты говоришь «интенсивная» нейрореабилитация, что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что с пациентом с 9 утра и до 5 вечера с перерывом на обед постоянно проводятся занятия – специализированные и установленные именно для него: физиотерапия, когнитивная реабилитация, интеллектуальные робототехнические системы, виртуальная реальность, стимуляция мозга с помощью компьютерной нейронавигации, у каждого пациента своя разносторонняя программа. Это настоящий рабочий день... Но именно при таком ритме достигается максимальная эффективность. И даже вне этого расписания своего рода «занятия» не прекращаются... Потому что утром, когда пациент встаёт, медсестра ему скажет: «ну-ка давай-ка ты попробуешь сегодня одеться сам...», не получается – она поможет и подскажет, как это лучше сделать самому, а завтра постарается, чтобы он это сделал чуть лучше... Или опять же важнейшая характеристика Гуттманна – здесь рядом находятся люди в подобной ситуации, они поддерживают друг друга, советуют и вдохновляют... Поэтому когда в 6 часов вечера новый пациент въезжает на инвалидном кресле в кафетерий и неловко пытается подхватить чашку с кофе, другой более опытный пациент ему подскажет: дружище, попробуй сделать вот так, так куда проще!!! Так что это 3 месяца интенсивнейших занятий с утра до ночи!

– Я знаю, что все до одного пациента очень высоко ценят именно эту возможность подружиться с другими людьми

в похожей ситуации и увидеть, как другие люди преодолели сходные проблемы...

– Вот именно: часто мы не в состоянии разрешить проблему, психологической настрой... Но здесь в госпитале часто происходит, что сам пациент и его семья, глядя на других пациентов и другие семьи, осознают, как лучше подойти к этой проблеме, к жизненной ситуации. И благодаря примерам других людей учатся воспринимать свою ситуацию иначе и жить по-другому, в других обстоятельствах, но жить полной жизнью.

– Гуттманн – университетский госпиталь, в котором обучаются специалисты со всего мира, в котором проводится огромное количество исследований, разрабатываются инновационные методики – в том числе запатентованные на международном уровне... Работаете вы только по протоколам, отслеживаете и регистрируете все данные динамики... Насколько я знаю, именно в нейрореабилитации непросто основываться на принципах доказательной

медицины – по той хотя бы причине, что очень мало показателей, позволяющих сравнивать данные по гомогенным группам...

– Тем не менее современная терапия должна быть всегда основана только на принципах доказательной медицины. Например, когда пациент чуть-чуть уже может ходить – он у нас попадает в зал кинематического анализа походки с платформой равновесия и динамической электромиографией для диагностики функциональных нарушений, объективной оценки динамики... и составления личной программы. Дальше каждую неделю все результаты регистрируются в объективных цифрах, графиках и отслеживается динамика. Только так можно быть уверенными в том, что то, что делается – действительно то, что должно делаться. Вообще регистрация, контроль,

66 *В медицине пациенту не нужно, чтобы его оперировал Лауреат Нобелевской премии по Медицине, а хирург, который используя самые передовые методики, оперирует по 10 пациентов в день.*

“
*Самое главное – это
не закупить технологии,
а правильно и эффективно
их применять...*”

аудит и сравнение данных с лучшими центрами – важнейшие инструменты работы... Поэтому мы регистрируем все данные динамики процесса выздоровления пациентов, в каждом случае оценивая результаты по международным шкалам, таким, как FIM, что позволяет сравнивать эти результаты с другими известными госпиталями во всем мире.

– Я знаю, что как раз эта практика позволяет говорить о высочайшем уровне терапевтической эффективности: в госпитале официально зарегистрирована цифра 95% успеха в разрешении поставленных реабилитационных задач, определенных лечащими врачами при поступлении пациентов в госпиталь... Скажи, кстати, есть какие-то важные успехи в последние годы в нейрореабилитации?

– Очень много нового: много новых отличных медикаментов появилось, магнитно-резонансные навигаторы, интеллектуальные робототехнические системы с обратной связью, системы электростимуляции, иногда в сочетании с виртуальной реальностью, теленейрореабилитация, много других методик... Но самое главное – это не закупить все эти технологии, а правильно и эффективно их применять... И здесь мы опять возвращаемся к теме опыта и компетентности профессионалов.

И сейчас мне хочется сказать о третьей отличительной характеристике Гуттманна... Я уже много говорил об опыте специалистов, об их профессионализме... Но важно еще одно – в таком месте должны работать люди по призванию... И у нас собрана такая команда из более чем 400 человек... С высочайшим уровнем человеческих качеств и любовью к своей работе... Когда сюда попадают специалисты – а нужно понимать, что при всех наших успехах концентрация человеческих страданий на квадратный метр здесь высочайшая – человек либо очень быстро понимает, что он здесь не может, либо прямо наоборот – вырастает и всего себя отдает этой работе. Через несколько месяцев в Гуттманне мы уже точно знаем, останется этот профессионал с нами навсегда или нет... И когда человек делает свою работу с радостью и любовью, когда он устанавливает личные близкие отношения с теми людьми, о которых он заботится, то это вообще сильно меняет всю картину...

– Мне как раз сейчас хотелось поговорить о человеческих аспектах... Мы с тобой всё время говорили о восстановлении функциональности, что конечно, для пациента, бесценно, но есть ведь ещё один аспект: в результате новой ситуации у человека и его семьи меняется вся жизнь... Я очень люблю ваш слоган «Помогая начать новую жизнь»... И знаю, что это не просто слова...

– Спасибо. Мы стараемся заботиться обо всех сферах жизни пациента, которые были затронуты в результате болезни и стараемся сделать так, чтобы во всех сферах он смог достичь максимальной самостоятельности!!!! Ольга, наших пациентов нужно заново научить сидеть или ходить, если это возможно, но главное – заново жить и жить с высоким уровнем автономии и радостью: заново ухаживать за собой, заново водить машину, работать на компьютере, нужно помочь в социальной адаптации, с проблемами сексуальной сферы, нужно очень много работать с семьями!!! Мы все это как-то стараемся охватить.

Стараемся тоже бороться за права людей с ограниченными возможностями, борьба, в которую мы внесли свою лепту... Но как раз сейчас, в ситуации кризиса ситуация такова, что нужно заново завоевывать некоторые вещи... Например, резко сократилась финансовая помощь семьям наших пациентов. А следует иметь в виду, что не говоря об оплате госпитализации (для каталонских граждан она в Гуттманне бесплатная) каждой семье, у которой есть на содержании родной с инвалидностью этого типа – требуется дополнительных около 30.000 евро в год... А администрация теперь даёт только 6.000... Так что от родных требуется невероятная отдача и личный героизм... Общество обязано помогать в этой ситуации и мы продолжим убеждать в этом власти.

– Жосеп Мария, ты столько лет руководишь – железной рукой – Гуттманном... И я знаю, что у тебя всегда куча новых проектов, скоро ты собираешься открыть новый центр – резиденцию для пациентов с неврологическими нарушениями, всё больше концентрируешься также на новом сегменте пациентов – с деменциями, с ментальными нарушениями; ты задействован в десятке разных комитетов, собираешь конгрессы, тебя приглашают на круглые столы, при этом

ты контролируешь – иногда маниакально – всё, что происходит в Гуттманне... Твоя энергия скоро войдет в половицы... При этом, насколько я знаю, ты ещё и в курсе того, что происходит с каждым твоим пациентом... Видела много раз, как в коридоре часто останавливаешься и начинаешь с людьми говорить...

– Ну, что я в курсе всего, что происходит с каждым пациентом – это, конечно, преувеличение, в курсе всего его команда... Я руковожу персоналом института, но чтобы делать это хорошо, важно не потерять близкие отношения с пациентами, понимать их ожидания, разочарования, их впечатления от нашей работы... И это можно делать только так: посвящая время, вслушиваясь в то, что они хотят рассказать, делаясь своим опытом и эмоциями, поддерживая тех, кого можешь поддержать.

– Жосеп Мария, я тебе должна сказать, когда приходишь в Гуттманн – ты как посетитель не можешь оценить результаты, но ты видишь, что это госпиталь, в котором люди, оказавшиеся на инвалидном кресле, учатся как в новой ситуации самостоятельно мыться, одеваться и водить машину, ходить в магазин за покупками и готовить... Здесь за ними раз в неделю приезжает автобус, и они вместе с инструктором едут в супермаркет, потому что нужно научиться в новом положении бывать в обществе, делать иначе то, что раньше было так просто делать... Обучаются пользоваться компьютером (в том числе полностью адаптированным к их патологии – например компьютером, которым можно управлять движением зрачка или компьютером, который управляется только адаптированным джойстиком), играют в баскетбол, стреляют из лука, учатся дайвингу в бассейне госпиталя и выезжают потом с инструкторами на Коста-Браву для настоящего погружения в море, ездят из госпиталя кататься на горных лыжах, которые также адаптируют для каждого случая...

– Да, Ольга, ты вот упоминала, что у госпиталя есть слоган «Помогая начать новую жизнь» – потому что всё-таки наше призвание – не просто добиться наилучших результатов функциональности, но именно сделать так, чтобы люди научились в новой ситуации снова жить достойно самостоятельно, полной жизнью, со своими трудностями и ограничениями, но также со своими радостями: радостью от самореализации, товарищества, сексуальной жизни, спорта...

– Когда приходит момент выписки из Гуттманна – как люди реагируют на это?

– Иногда это бывает второй период «траура», людям психологически комфортно здесь, и им трудно иногда выйти «в мир». Как раз поэтому мы и стараемся, чтобы ещё во время госпитализации наши пациенты выезжали в город, уходили на выходные домой, если у них есть такая возможность, проводим работу по социальной адаптации и программу для за-

66 Барселона организовала для иностранных пациентов возможность прямого обращения в ведущие госпитали города: специально для них было создано Barcelona Medical Agency, выполняющее функции Единого Международного Департамента.

нятий адаптивным спортом, а после выписки предоставляем возможность продолжения программы – либо амбулаторной, либо теленейрореабилитации – через компьютер. Но вообще даже не только каталонские, но и наши иностранные пациенты к нам часто возвращаются просто чтобы навесить или вдохновить новых пациентов... И вот самый красивый момент бывает тогда,

когда ты встречаешь своего пациента, и он тебе начинает рассказывать о своих проблемах – на работе или с детьми, которые проходят через период «подросткового бунта»... И уже это его проблемы, а не то, что он не может передвигаться таким же образом, как большинство других людей... Когда у пациента инвалидное кресло только под попой, но уже не в голове... тогда реабилитация закончилась!

– Я с тобой и дружу, и работаю, так что хорошо тебя знаю как руководителя, но как ты сам считаешь, в чём ты как Директор «хромаешь» и в чём ты особенно силен?

– Ну, хромаю... пожалуй, в том, что мне иногда не хватает асертивности... Иногда взрываюсь... А силен... тем, что умею за собой вести людей, умею заразить их идеей и энтузиазмом... Без энтузиазма, кстати, вообще нечего на работу выходить...

– Я часто от тебя слышу одну фразу: «Гуттманн мне столько дал и даёт»... Это у тебя прямо как мантра... Что тебе даёт Гуттманн?

– Работа вообще позволяет нам служить обществу, людям... И это позволяет любая работа. Но когда, как в моём случае, ты можешь быть полезен людям в особо уязвимом положении... Чувствовать себя нужным, чувствовать, что ты своей работой можешь сделать жизнь другого человека более полной – это настоящая привилегия... Чего ещё можно желать?

Кроме того, в Гуттманне я познакомился и подружился с совершенно потрясающими людьми: одни из них мои коллеги, другие – пациенты... И вообще Гуттманн – лучший антидот против уныния. Каждый день наши пациенты и их семьи показывают нам пример преодоления, а иногда настоящего героизма... И вот когда ты видишь эти случаи потрясающей выдержки и цельности – начинаешь иначе оценивать свои собственные проблемы и концентрируешься на том, что действительно важно: быть счастливым и делить это счастье и радость с другими людьми, особенно с теми, кого больше всего любишь. ■

Passeig de Gràcia, 48. 1r bis 2,
08001 Barcelona
T +34 931 998 690
info@barcelonamedicalagency.com
www.barcelonamedicalagency.com